

ПЕСНИ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯНА¹

БОСХА ХАЛГАЕВНА БОРЛЫКОВА

(Калмыцкий научный центр РАН: Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000,
г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8)

ЭЛЛАРА УЛЯЕВНА ОМАКАЕВА

(Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова:
Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11)

***Аннотация.** В статье авторы на основе полевых материалов описывают песенный фольклор и музыкальные инструменты ойратов Синьцзяна. В ходе международной экспедиции 2012 г. авторами публикации записаны танцевальные мелодии, а также протяжные и короткие шуточные песни, разнообразные по содержанию. Среди них песни о любимом коне и коне — победителе традиционных соревнований в скачках, о родном крае, песни философских, проникновенных раздумий, исторические и т. д. В традиционном песенном фольклоре ойратов Синьцзяна важное место занимают лирические песни. Их главное значение — раскрыть внутреннее состояние человека путем непосредственного выражения его чувств, мыслей, впечатлений, настроений. Исторические песни также являются одним из распространенных жанров песенного творчества ойратов Синьцзяна. Многие драматические события в истории ойратов Синьцзяна связаны с их уходом из России в Китай в 1771 г.*

Инструментальное творчество ойратов Синьцзяна многогранно и имеет сложный характер. Исполнители не только аккомпанируют, сопровождая пение, магталы, героический эпос «Джангар», но и исполняют самостоятельный инструментальный репертуар.

Дальнейшая публикация расшифрованных с современных электронных носителей полевых записей исполнения песенных текстов, свидетельствующих о сохранности во времени устной музыкально-поэтической традиции, позволит восполнить многие лакуны в изучении фольклорного наследия, в частности, малоизученного феномена исполнительства у народов Центральной Азии.

***Ключевые слова:** ойраты, Синьцзян, песенный фольклор, протяжные песни, короткие шуточные песни, танцевальные мелодии, музыкальные инструменты.*

Материалы по музыкальному фольклору, рассматриваемые в данной статье, были собраны авторами в ходе международной научной экспедиции от ойратов

Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР и хранятся в ее личном архиве. Большинство современных ойратов СУАР КНР являются потомками откооче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-24-03005 а(м) «Аутентичное искусство монгольских кочевников (протяжная песня, народный танец, музыкальные инструменты): калмыки России и ойраты Монголии».

Исполнитель Байнда Донгрув, торгут, 1930 г. р., сомон Толь, уезд Жинг, Бортала-Монгольская АО, СУАР КНР. Фото Б. Х. Борлыковой, июль 2012 г.

A Torghut performer, Bayndy Dongruv, born 1930, Tol' Municipality, Dzhing County, Bortala Mongol Autonomous Prefecture, Xinjiang Uighur Autonomous Region of China. Photo by B. Borlykova, July 2012

вавших в 1771 г. из Российской империи калмыков. Они проживают главным образом в Баянгол-Монгольском, Или-Каззахском, а также в Бортала-Монгольском автономных округах.

В наше время ойраты Китая для фиксации фольклорных текстов используют графику вертикального «ясного письма» (*тодо бичиг*, ойратская письменность)², а также старомонгольского письма (*худм бичиг*, *монгол бичиг*)³. В настоящей статье авторы для более точной передачи звуков и знаков приводят транслитерацию текстов песен ойратов Китая латиницей.

В ходе экспедиции нами были записаны *ут дуд* (протяжные песни) и *шоштр дуд* (короткие шуточные песни) ойратов Синьцзяна. Разнообразно содержание таких песен, как “Arban keriün duun” (Тринадцать песен о гнедых конях), “Ijil Zägiyin usun” (Воды Волги и Урала), “Aduu talam yabuxula” (Когда иду к своему табу-ну), “Yongxor torγun utasun” (Шелковая нить), “Bömbürei-bömbürei modondu” (У дерева Бомбура), “Tabur tabun xasaq” (Пять казахов), “Šamu šatanai tosörön”

(Лампа горит от масла), “Харāдай харāдай хамā nisenēi čī?” (Ласточка-ласточка, куда летишь?) и др. Это песни, повествующие о любимом коне и коне — победителе традиционных соревнований в скачках, песни-гимны о родном крае, песни философских, проникновенных раздумий, исторические, лирические и шуточные.

Исторические песни являются одним из распространенных жанров песенного творчества ойратов Синьцзяна. Ни один из традиционных песенных жанров не пользуется такой популярностью и не выражает так ярко душу ойратского народа, как его исторические песни. Многие драматические события в истории ойратов Синьцзяна связаны с их уходом из России в Китай в 1771 г. «С большими лишениями и огромными потерями в пути ойраты вновь вернулись в Джунгарию, на свои родовые кочевья. Но в тот период Джунгарское ханство было завоевано империей Цин, учинившей жестокую расправу над ойратами, боявшейся сохранить в их лице потенциального соперника, уже имевшего опыт создания

² Создана в 1648 г. ойрат-калмыцким просветителем, переводчиком, буддийским монахом Заяпандитой Намкай Джамцо (1599–1662) на основе уйгуро-монгольского алфавита.

³ Собственно монгольская система письма, находящаяся в непрерывном употреблении с начала XIII в. до наших дней.

независимого сильного кочевого государства» [Тодаева 2001, 8]. Этому событию посвящены песни ойратов Синьцзяна: “Ubaši xān” (Убаши хан), “Ījil Zāgiyīn usun” (Воды Волги и Урала), “Üülün buural” (Облачно-седой), “Öriyīn torγoi” (Утренний жаворонок), “Ījil yoliyīn usun” (Воды реки Волги) и др.

Разъединенные на несколько столетий и живущие далеко друг от друга, калмыки и ойраты Синьцзяна всегда чувствовали себя единым народом и помнили из поколения в поколение, что их далекие предки жили на Волге, а затем часть из них уководила в Джунгарию.

В исполнении 82-летнего торгута Байнды Донгрува из населенного пункта Цзинхэ Бортала-Монгольской автономной области СУАР КНР прозвучали два куплета из песни “Ījil Zāgiyīn usun” (Воды Волги и Урала):

Ījil yoliyīn usugi
Īskileng geji nüüleī čī?
Īli Tekesiyīn usugi
Amitayīxan geji irelei čī?

Хауіуād ireqsen čīni
Xada čīloun хоуорбуі?
Olōd abuqsan čīni
Otuyā jīngges хоуорбуі?

(Сосчитав, солеными откочевал?
Воды рек Или и Текес
Сосчитав, сладкими прикочевал?)

То, что искал,
Оказалось камнями и скалами?
То, что нашел,
Оказалось отh⁴ и джингис⁵?)
Перевод Б. Х. Борлыковой

В рассматриваемой песне ойраты (калмыки) Синьцзяна сожалеют, что ушли из России в Китай и осуждают преступление Убаши хана, сына Дондук-Даши хана, наместника калмыцкого ханства (1761–1771). В «Очерках истории Калмыцкой АССР» указано: «Убаши хан в 1771 г. возглавил 30 909 кибиток и двинулся в сторону прежней родины калмыков, Джунгарию, не зная, что она

подвластна Маньчжуро-Китайской империи. Для трудящихся калмыков откочевка в Джунгарию оказалась настоящей катастрофой». «История калмыцких ханов» дает подробное описание тяжких бедствий, выпавших на долю народных масс, оставивших в пути около 100 тыс. человек убитыми, пленными, замерзшими, умершими от голода и ран, лишившихся последнего скота и ставших нищими [Очерки истории 1967, 242].

Образ Убаши хана занимает важное место в песенном творчестве ойратов и калмыков XVIII в. Выбор песни как самого массового и популярного в народе фольклорного жанра в качестве инструмента идеологического воздействия не случаен: в силу своей синкретичной вербально-музыкальной природы она является наиболее эффективной формой передачи мироощущения той или иной эпохи и созданных ею мифов по сравнению с другими сферами народного творчества. Песня как неотъемлемая часть различных обрядов, ритуалов и церемоний всегда была почитаема в обществе, тем более в кочевом.

Песни об Убаши хане не столько превозносили отдельного человека, пусть и выдающегося политического деятеля, сколько создавали некий образ, символизирующий и определенную идею, и целую политическую эпоху, выступающий в качестве своего рода культурного знака, носителя определенных качеств, вершителя событий и судеб.

В песне ойратов Синьцзяна “Üülen buural” (Чалый <конь>) Убаши хан воспевается как национальный герой:

Üülen buuralān unād
Uudam nutuq-yēn čīqlēd,
Uyiyun noyon Ubaši xān
Olōnān dachuuluqsan-ni sayixan.

Tošul xunduqtai buugi
Tölburtai zaluu üüredeq,
Toryuud noyon Ubaši xān
Törö nutuq-yēn dachuuldaq.

Ulāsun xunduqtai buugi
Örlīq noyon üüredeq,

⁴ *Oth* — уст. перо, султан на головном уборе, знак отличия у феодалов, чиновников в правлении маньчжурской династии Цин.

⁵ *Джингис* — уст. шарик, узел на головном уборе.

Исполнение на товшуре эпоса «Джангар».
 Фото Б. Х. Борлыковой, июль 2012 г.
 Performing of the "Jangar" epics accompanied with
 the tovshur lute. Photo by B. Borlykova, July 2012

Üye-in olon түшимel-ni
 Ubaši noyondān ünenci.

Taras xunduqtai buugi
 Tere köbüün üüredeq,
 Tögö šajin хoyorān
 Ubaši xāndān baridaq

(Оседлав чалого коня,
 Направился к бескрайней родине.
 Юный нойон Убаши хан
 Хорош тем, что повел за собой народ.

Ружье с прикладом из барбариса
 Носит рассудительный юноша,
 Торгутский нойон Убаши хан,
 Ведущий собой свой нутак.

Ружье с прикладом из тополя
 Носит нойон-полководец,
 Династийная знать
 Предана <своему> Убаши нойону.

Ружье с прикладом дерева тарас
 Носит тот парень,
 Власть и религию
 Дают <своему> Убаши хану)
 [Монгол ут дууна уг 1984, 11].
 Перевод Б. Х. Борлыковой

Изучение лексической структуры
 данного песенного текста крайне важно

Исполнение на морин хуре. Фото Б. Х. Борлыковой,
 июль 2012 г.
 Instrumental performance with a horse-head fiddle.
 Photo by B. Borlykova, July 2012

для понимания его идейно-образного
 содержания. Лексический уровень свя-
 зан незримиыми нитями с тематической,
 мотивной, образной системами песни.
 Слово, будучи базовой единицей языка,
 маркирует тему (микротему) или элемент
 темы (микротемы), ситуацию в целом
 или ее участника, мотив или микромотив,
 формирует микрообраз, воплощенный
 в песне.

Языковое сознание носителей фольк-
 лорной традиции ойратов Синьцзяна,
 знавшее в то время ханов, нойонов, зай-
 сангов, переносит образ предводителя
 на Убаши хана: в рассматриваемой пес-
 не его называют *нойон* (нойон, князь),
toryuud noyon (торгутский нойон), *örlig
 noyon* (нойон-полководец); глагол *daxu-
 ulxu* (вести за собой) (*daxuuluqsan-ni*,
daxuuldaq) маркирует образ Убаши хана
 как рулевого, указывающего необходи-
 мое направление своему *nutuq* (народу).
 Заключительные строки третьего и чет-
 вертого куплетов песни овеяны любовью
 и преданностью знати Убаши хану: "*Üye-
 in olon түшимel-ni / Ubaši noyondān ünenci*"
 (Династийная знать / Предана <своему>
 Убаши нойону), "*Tögö šajin хoyorān / Ubaši
 xāndān baridaq*" (Власть и религию / Дают
 <своему> Убаши хану). В песне указа-
 ны возраст Убаши хана: "*uyiyun noyon
 Ubaši xān*" (юный нойон Убаши хан), его

Б. Х. Борлыкова записывает сказителя Байнду, торгут, 1961 г.р., сомон Толь, уезд Жинг, Бортала-Монгольская АО, СУАР КНР. Фото Э. У. Омакаевой, июль 2012 г.

B. Borlykova is recording the Torghut epic singer Baimdu, born 1961, Tol' Municipality, Dzhing County, Bortala Mongol Autonomous Prefecture, Xinjiang Uighur Autonomous Region of China. Photo by E. Omakaeva, July 2012

субэтническая принадлежность "*Toryuud noyon Ubaši xān*" (торгутский нойон Убаши хан), а также описание его оружия: "*Tošul xunduqtai buugi*" (ружье с прикладом из барбариса), "*Ulāsun xunduqtai buugi*" (ружье с прикладом из тополя), "*Taras xunduqtai bugi*" (ружье с прикладом дерева тарас).

В песенном фольклоре калмыков России также сохранилось большое количество текстов песен, упоминающих событие 1771 г.: "Ubaši xān" (Убаши хан), "Maniyigi yaγatuyai geqsenbi?" (На кого нас оставил?), "Samburiyin yurban tolyoi" (На трех холмах Самбур) и др.

Оставшаяся часть калмыков в России, у берегов Волги (11 198 кибиток) лишилась государственности. «Калмыцкая степь вошла в состав Астраханской губернии и была подчинена в административном отношении ее губернатору. Улусы фактически приравняли к уездам, для надзора за порядком в которых назначались русские приставы. Общее управление калмыками возлагалось на экспедицию, созданную при канцелярии астраханского губернатора. Прервался в результате откочевки процесс сложения калмыцкой народности, упала военная активность калмыков, сократились территории кочевий, общее поголовье скота, размеры внутренней торговли,

остановилось развитие новых видов деятельности, понесла урон культура» [Дорджиева 1999, 236].

«Маниг яһтха гисмб?»
(На кого нас оставил?)
Машин цэвдрэн унсмб,
Маһнд борихән көтлсмб,
Мана нойн, хан Увш,
Маниһән яһтха гисмб?

5. Ховң Ижл хоорнд
Харгдх баран үзгдхш,
Хомнж зусдг торхудыг
Хамаран одв гихв?
Уласт гидг холыг,

10. Услур муута гисмб?
Урдк цагин сээдудиг
Ухан муута гисмб?
Нәрн гидг холыг
Намржң муута гисмб?

15. Наадк захан хасгудиг
Наһцнр, хадмудан гисмб?
(На быстром игренево коне,
Татарского сивко, веда за повод,
Наш нойн, хан Убуши
На кого нас оставил?*

5. Между Кубанью и Волгой
Невидно <никаких> очертаний,
Торгуды, навьючив груз на верблюдов,
кочующие,

Куда же направились они?
Или воды реки Уласты

Allegretto

10. Сосчитали они непригодными
для питья?

Или правителей своих прежних
Сосчитали недалновидными они?
Или <излучины> реки Нярин
Сосчитали непригодной для стоянок
осенью?

15. Или казахов у ближней границы
Сосчитали родственниками они?
[Төрскн назрин дуд 1989, 36].

Перевод Э. Б. Овалова

Во многих вариантах данной песни калмыцкий народ клеймит позором ханское честолюбие Убаши, осуждает преступление, совершенное им. Многие строки в куплетах заканчиваются вопросом: "Maniyigi yaayatuuyai geqsenbi?" (На кого нас оставил?), "Хатаран одубай gekübei?" (Куда же направились они?), "Ulāstu gedeq yoliyigi / Услур муута гисмб? Урдк цагин сээдүдиг / Ухан муута гисмб?" (Или воды реки Уласты / Сосчитали они непригодными для питья? / Или правителей своих прежних / Сосчитали недалновидными они?), "Narin gedeq yoligi / Namurjıng muıtai geqsenbi? Nāduki zahayın xasaguudiyigi / Nayasanar xadamuud-yēn geqsenbi?" (Или <излучины> реки Нярин / Сосчитали непригодной для стоянок осенью? / Или казахов у ближней границы / Сосчитали родственниками они?)

В рассматриваемых песенных текстах широко представлены гидронимы (названия рек). Реки и озера для кочевников были главными ориентирами на местности — стержнем локальной вселенной. По направлению течения рек они определяли свой путь. В текстах ойратов Синьцзяна встречаются следующие названия рек: *Ijil yol* (р. Волга), *İli* (р. Или), протекающая в Или-Казахском автономном округе СУАР КНР, *Tekes* (р. Текес), протекающая в Или-Казахском автономном округе СУАР КНР; в текстах калмыков России: *Xobung* (р. Кубань), *Ijil* (р. Волга), *Ulāstu* (р. Ластва), протекающая в Малодербетовском р-не Калмыкии и Светлоярском р-не Волгоградской обл., *Narin* (р. Нарын), протекающая в Киргизии, одна из составляющих Сырдарью. В раннем

тексте калмыцкой песни, записанном на вертикальном «ясном письме», упоминаются дополнительно гидроним *Tenggis* (р. Тенгис), оронимы *Ergen* (Ергенинская возвышенность), *Samariyin yueban tolyoi* (три холма Самары) и топоним *Masaq* (Мочаги), устаревшее название юго-восточной части калмыцкой степи [Калмыцкие народные песни 2015, 40–41].

Таким образом, язык песен ойратов Синьцзяна и калмыков России о событии 1771 г. бесстрастно фиксирует всю сложную, противоречивую гамму отношения членов ойрат-калмыцкого социума к руководителю калмыцкого ханства: с одной стороны, это безграничная вера, уважение, преклонение, почитание, с другой — насмешка, презрение.

Песня "Tabar tubur tabun xasaq" (Пять казахов) широко распространена среди ойратов-калмыков Синьцзяна и сарткалмыков Киргизии. В песне поется о пяти казахах, ворующих скот у калмыков.

Tabar tubur tabun xasaq
Tangsaq mergen jibur xasaq,
Ulān nidütei jibur xasaq,
Unuqsan mori mini abayıçı xasaq,
Ulān yoligi mini tabiyiçı xasaq
(Пять казахов,
Отличные меткие казахи,
Казахи с красными глазами,
Возьмите моего коня,
Пощадите мою жизнь)

(Зап. от информантки Мидгя, 1945 г. р., хошутки, Китай, Баянгольский автономный округ, Бост нур).

Перевод и нотация Б. Х. Борлыковой

В традиционном песенном фольклоре ойратов Синьцзяна преобладают в основном лирические песни. Их главное назначение — раскрыть внутреннее состояние человека путем непосредственного выражения его чувств, мыслей, впечатлений, настроений. Весьма примечательна в этом плане песня хошутов Бост-Нура "Bömbür-bömbür modondu" (На дереве Бомбор), исполненная артисткой фольклорного коллектива Мидгой (см. выше):

Bömbür-bömbür modondu
 Bürgüd šobuud cuqlurnai.
 Büübälän büübälän ösküqsen
 Ėjiiyin açiyigi yayanai da koi.

Saqlar saqlar modondu
 Šazayai šobuud cuqlurnai.
 Šaraxan uuraq-yën köküleqsen
 Ėjiiyin açiyigi yayanai da koi.

Xaryai zandan modondu
 Xarcayai šobuud cuqlurnai.
 Xaranguyi sōgēr büübeleqsen
 Ėjiiyin açiyigi yayanai da koi.

(На дереве Бомбор
 Беркуты собираются.
 Как воздать долг матери,
 Убаюкивая, выроставшей <меня>?)

На раскидистом дереве
 Сороки собираются.
 Как воздать долг матери,
 Вскормившей <меня> молозивом?

На сосне
 Ястребы собираются.
 Как воздать долг матери,
 Убаюкивавшей темной ночью?)
Перевод Б. Х. Борлыковой

В данной песне воспета великая сила материнской любви, перед которой все мы находимся в неоплатном долгу. Образ матери — традиционный поэтический символ в фольклоре монгольских народов [Дякиева, Омакаева 2012]. В песне представлены традиционные фольклорные формулы, мотивы, темы и образы, в частности, флористические (образ раскидистого дерева Бомбор), орнитонимические (образы беркута, сороки, ястреба), что свидетельствует о почтительном отношении ойратов-калмыков к священным деревьям и хищным птицам.

Богатая красочным ландшафтом, природа Синьцзяна вдохновляет народных поэтов и композиторов на создание поэтических музыкальных картин о родном крае.

Aduu talān yabuxulā
 Atan temēn yazarči,
 Ijil talān yabuxulā
 Inngen temēn yazarči.
 Inaq talān yabuxulā

Xoyor nidün yazarči.
 Nüügēd suuyād yabuxula
 Nutugiyin mini barān xaraqdanai.
 Nüüqsen yazar-yën bodoxulā
 Nidün-ēce mini nilbusun yōjinai.
 (Когда направляюсь к табуну,
 Холощенный верблюду <мне> путеводитель,
 Когда направляюсь к родному кочевью,
 Верблюдица <мне> путеводитель.
 Когда направляюсь к любимой,
 Глаза <мне> путеводители.
 Когда, кочуя, останавливаюсь,
 Виднеются очертания родного кочевья.
 Когда вспоминаю родное кочевье,
 Из глаз моих текут слезы.)
Перевод Б. Х. Борлыковой

В любовных песнях ойратов любовь представлена во всей полноте — с болью и радостью, тоской и ожиданием, с горечью несбывшихся мечтаний. Любовная лирика ойратов отличается от других песенных циклов исключительной поэтичностью. Совершенно очевидно, что такого высокого художественного уровня (об этом свидетельствуют символы, другие разнообразные художественно-изобразительные средства: эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.) ойратская народная любовная лирическая песня достигла в результате длительной эволюции. К примеру, в известной народной песне хошуттов Бост-Нура Баянгол-Монгольского автономного округа “Yongxor toryon utasun bui” (Шелковая нить) представлены эпитеты *yayaqsan batu utasun bui* (очень крепкая нить), *sayixan batu utasun bui* (красивая крепкая нить).

Yongxor toryon utasun bui
 Yayaqsan batu utasun bui.
 Yabuqsan yazar-yën bodoxulā
 Yasun-ēce mini kölsün yōjinai.

Daba gedeq utasun bui
 Tataxulā batu utasun bui.
 Dabaqsan dabayān bodoxulā
 Dala-ēce mini kölsün yōjinai.

Sambu toryon utasun bui
 Sayixan batu utasun bui.
 Sanan bodol-yën sanaxulā
 Šana-ēce mini kölsün yōjinai.

Xadančin öndör šobuyortu
 Xaryadaq ügeiyiçini yāxu bui?

Vivo

Yong - xo - r tor - yon uta - sun bui

Ya - ya - qsa - n ba - tu uta - sun bui.

Ya - buq - sun ya - zar - yēn bo - doxu - lā Ya - sun - ēce mi - ni köl - sün yōji - nai.

Xaryaqsan xoyor-ēce suraxulā
Medeqsen ügeiyini yāxubi?

Züq dēre yārxulā
Üzeqdeq ügeyiçini yāxubi?
Üzeqdeqsen xoyor-ēce suraxulā
Medeqsen ügeiyini yāxubi?

Xamar dēreni yārxulā
Xaryaldaq ügeiçini yāxubi?
Xaryaldaqsan xoyor-ēce suraxulā
Medeqsen ügeiyini yāxubi?

(Шелковая нить,
Очень крепкая нить.
Вспоминаю места, где побывал,
И течет пот с костей моих.

Хлопчатобумажная нить,
Когда тянешь, крепкая нить.
Вспоминаю пройденный перевал,
И течет пот со спины.

Низкосортная шелковая нить,
Красивая крепкая нить.
Вспоминаю свои мысли,
И течет пот со скул.

На вершине скалы
Если тебя не увижу, что же мне делать?
Если спрошу у встретившихся двух
путников <о тебе>
И <они> о тебе не будут знать, что же мне
делать?

Поднявшись на вершину,
Если тебя не увижу, что же мне делать?
Если спрошу у встретившихся двух
путников <о тебе>
И <они> о тебе не будут знать, что же мне
делать?

Поднявшись на холм,
Если тебя не увижу, что же мне делать?

Если спрошу у встретившихся двух
путников <о тебе>
И <они> о тебе не будут знать, что же мне
делать?)
(Зап. от информантки Мидгя, см. выше).
Перевод и нотация Б. Х. Борлыковой

В ходе экспедиции нами также были записаны танцевальные мелодии ойратов Синьцзяна: “Doḡolang emegen” (Хромая старуха), “Bayibursan” (Бавурсн), “Oroq teke” (Серый козел), “Saburdang” (Саврдынг), “Baljin kēr” (Гнедой), “Töbknün saburdang” (Спокойный Саврдынг), “Türgen saburdang” (Скорый Саврдынг), “Küükün sayıxan saburdang” (Девичий танец Саврдынг).

Танцевальные движения имитируют повадки животных, птиц, а также жесты, характерные для определенных хозяйственных занятий, демонстрирующие особенности традиционного кочевого быта ойратов.

В песне, сопровождающей танец «Саврдынг», описываются движения танца девушек:

Sayıxan küüken bilēd bayınai
Saburdang-yēn cokīd bayınai
Sayıxan küüken bilēd bayınai
Ėm dalani nakalzād bayınai
Ėm dalani ködölēd bayınai
Xai-xai, din-din, xai-xai, din-din
Usuni doligın eng-yēn cokinai
Ulusuyin küüked bilēd bayınai.
Xai-xai, din-din, xai-xai, din-din.
(Красивая девушка танцует,
Играют мелодию «Саврдынг»,
Красивая девушка танцует,
<Танцует>, сгибая плечи, лопатки,
<Танцует>, сгибая плечи, лопатки,
Хай-хай, дин-дин, хай-хай, дин-дин.
Волны бьются о берег,
Чужие девушки танцуют,

Хай-хай, дин-дин, хай-хай, дин-дин.)
(Зап. от информантки Осорин Утнасун,
1964 г. р., торгутки, Китай, уезд Хар Усун).
Перевод Б.Х. Борлыковой

«Песня служит средством идентификации того или иного этноса, его культуры. Песня, как и язык, является своего рода семиотическим кодом, знаковой системой, средством коммуникации, инструментом познания и, образно говоря, матрицей души, духа народа. Поэтому изучение языковой картины мира, заключенной в ойратском песенном тексте и отражающей пространственно-временные представления, этические нормы, моральные ценности, эмоции и чувства, эстетические вкусы и предпочтения этноса, может пролить свет на многие нерешенные проблемы исследования структуры и семантики песенного текста» [Омакаева, Борлыкова 2012, 184].

Структуру песенной картины мира представляет собой своеобразную семантическую «сеть», узлами которой являются опорные слова [Хроленко 1983, 18]. Так, субстантивы (существительные) задают статическую модель песенного мира: кластер «социофакты» (социальное и семейное положение, профессия, род занятий, межличностный статус): *xān* (хан), *поуоп* (нойон, князь), *örliq поуоп* (полководец), *tüšimel* (сановник), *olon* (народ), *zalıu* (юноша), *γazarčı* (путеводитель), *torγuud* (торгуты), наименование одного из субэтносов ойратов, *xasaq* (казахи), *ēji* (мать), *inaq* (любимая), *Ubaši* (Убаши); кластер «натурфакты» (естественные объекты, природные явления): *usın* (вода), *xada* (скала), *čılouн* (камень), *nidiün* (глаза), *морн* (лошадь), *bürgüüd šobuun* (беркут), *modon* (дерево), *xarγai zandan modon* (сосна), *adıu* (лошадь), *atan temēn* (холощенный верблюд), *inggen temēn* (верблюдица), *Іli* (р. Или), *Tekes* (р. Текес), *daba* (перевал), *иuraq* (молозиво); кластер «артефакты» (предметы, созданные трудом человека): *otıya* (перо, султан на головном уборе), *jingges* (шарик, узел на головном уборе), *xunduq* (приклад), *buu* (ружье), *utasun* (нить); кластер «ментифакты» (духовный продукт): *ači* (благодарность), *ulān yol* (жизнь); глаголы — динамическую: *siqlurnai* (собираются), *yōjınai* (течет), *yabıxula mini* (когда иду), а прилагательные часто выступают как эпитеты,

дающие желаемое представление об объекте: *sayıxan batu utasun bu* (что за красивая прочная нить), *xarangγui sōgēr* (темной ночью). Что касается эпитетов, то они могут быть простыми, сложными, составными, но в любом случае семантика эпитета раскрывается в контексте.

Многие из перечисленных песен в народе исполняются под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов: *хур* (ойр. *хуур*) либо *товшур* (ойр. *товшуур*). В концертной практике же ойратов Синьцзяна встречаются народные инструменты *шанз*, *ятага*, *цуур* и др.

Одним из древних музыкальных инструментов у ойратов считается *хур* — смычковый коробчатый (трапециевидной формы) хордофон с двумя струнами из конских волос и кожаной (деревянной) декой. Длина инструмента — 1000–1200 мм. Строй хуура — в нетемперированную кварту в регистре малой октавы. Диапазон у каждого народного инструмента индивидуальный. Инструмент имеет сольный репертуар и аккомпанирует песням. Разновидности хуура: *морн хуур* (головка грифа традиционно изготавливается в виде головы лошади) и *хучир* (смычковая пиколютня с трубчатым резонатором, мембранной декой и двумя струнами).

Наряду с хуром у ойратов Синьцзяна широко распространен двухструнный щипковый инструмент — *товшур* (ойр. *товшуур*) [Борлыкова 2012, 191]. Хошуты Баян-Монгольского автономного округа Синьцзяна изготавливают корпус товшура из различных пород деревьев, растущих на их территории: яблоко, сосна, дерево зегде, дерево тошл. В настоящее время в качестве струн для товшура применяются рыболовные лески, а прежде использовали конский волос. Раньше, по воспоминаниям старожилов, струны были жильные: они изготавливались из бараньих, козьих кишок. Товшурчи Джунга (1950 г. р., торгут, Китай, Или-Казахский уезд, автономный округ Монгол Күрэ, Бахлг) отметил, что «его предки корпус товшура мастерили из сосны, растущей на горном хребте, а крепкие струны изготавливали из тонкой кишки тарбагана». Составные части товшура имеют свои специальные названия: *толһа* (головка), *чикн* (колки, букв.: уши), *иш* (гриф), *бүрәсн* (дека), *цацал*⁶

(корпус), *тевк* (кобылка), подставка под струны.

Своеобразной цитрой ойратов Синьцзяна является инструмент *ятга*. Многострунный, его корпус деревянный, долбленный, изготовленный из кедра или сосны. Форма корпуса напоминает перевернутое корыто с большим выступом для упора. На концах корпуса есть утолщения в виде валиков. Длина инструмента ~1300 мм. По словам народных музыкантов, встречаются инструменты длиной до 1500 мм. Количество струн 7 (на модернизированной ятге имеется в среднем 13 струн, наибольшее число 22). От передвижения подставки зависит высота звучания струны. Звукоряд ятги пентатонический.

Шанз (<кит. *san-xian* ‘три-струны’) — трехструнная сороччатая лютя с плекторным звукоизвлечением. Струны шелковые. Корпус овальный с мембранной декой (из кожи *том моха* ‘питона’). Звукоизвлечение производится при помощи плектора *цокур* — палочки из бамбука, пластмассы, длиной ~ 6–8 см, диаметром ~ 8 мм.

В инструментальных ансамблях ойратов можно встретить настольные цимбалы с корпусом в форме трапеции — *ёочин* (<кит. *yang-qinyang* ‘иностранная’ + *qin* ‘цитра’). На деке натянуто 25 металлических струн. С одной стороны струны крепятся к штифам, с другой — к металлическим колкам. Диапазон — 2,5–3 октавы. Звук извлекается деревянными или бамбуковыми палочками.

Из духовых инструментов распространен *цур*. *Цур* (ойр. *цуур*) — продольная открытая флейта с тремя игровыми отверстиями, изготавливаемая из дерева или из стеблей зонтичных растений. Длина инструмента составляет ~ 50–60 см. *Цур* используется как инструмент аккомпанирующий и солирующий.

Лимб (тиб. *линг-бу* ‘тростниковая дудочка, свирель, флейта’) — поперечная флейта с шестью игровыми отверстиями. Длина инструмента ~ 40–50 см. Материал изготовления — бамбук.

В состав хурульных оркестров ойратов входят следующие духовые и ударные

инструменты: *бюря* — вентильная труба, изготовленная из латуни с мундштуком из трех частей; *гандн* (<тиб. *rgya ling* [гьялин], *rkang gling* [канлин] ‘тибетский гобой’) — металлический дульцевый инструмент, состоящий из трех частей; *бишкюр* — деревянный духовой инструмент с двойной тростью с коническим каналом и семью игровыми отверстиями; *дуң* (<тиб. *dung dkar* [дункар]) — морская раковина; *кенкрг* — разновидность двустороннего барабана; *дамр* (<тиб. *da m. ru* [дамару]) — ламаистский барабанчик в форме песочных часов; *хонх* — обычный металлический колокольчик; *цанг* — соударяемые металлические тарелки.

Таким образом, записанный авторами экспедиционный материал показал, что современный песенный фольклор ойратов разнообразен по протяженности мелодий (*ут дуд* (протяжные песни) и *шоштр дуд* (короткие шуточные песни), по жанру (исторические песни, лирические песни), по содержанию (песни об уходе части калмыков из России в Китай в 1771 г., о материнской любви, о родине, любовные песни и др.). Многие песни ойратов Синьцзяна и калмыков России схожи по содержанию. К примеру, песни об Убаши хане “Ijil Zāgiyin usun” (Воды Волги и Урала), «Маниг яһтха гисмб?» (На кого нас оставил?). Танцы ойратов “Doḡolang emegen” (Хромая старуха), “Bayibursan” (Бавурсн), “Oroq teke” (Серый козел), “Saburdang” (Саврдынг) отражают их кочевой образ жизни. На основе лексического анализа текстов песен ойратов Синьцзяна выявлены четыре кластера: социофакты, натурфакты, артефакты, ментифакты. Музыкальный инструментарий ойратов представлен духовыми (*цур*, *лимба*, *бюря*, *бишкюр*, *гандн*, *дунг*), струнными (*хур*, *товшур*, *хучир*, *ятга*, *шанз*) и ударными инструментами (*ёочин*, *кенкрг*, *дамару*, *хонх*, *цанг*). В дальнейшем предстоит более полное и всестороннее исследование музыкального фольклора ойратов Синьцзяна.

Литература

Борлыкова 2012 — Борлыкова Б. Х. О музыкальных инструментах ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 187–192.

Дорджиева 1999 — Дорджиева Е. В. Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999.

Дякиева, Омакаева 2012 — Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 183–187.

Калмыцкие народные песни 2015 — Калмыцкие народные песни и мелодии XIX в. Записи XIX века. Ч. I / Вступ. ст., сост., предисл., подгот. текстов, пер. на совр. калм. язык и прилож. Б. Х. Борлыковой; Транслит., пер. со старокалм. на совр. калм. язык Б. В. Меняева. Элиста, 2015. На калм. яз.

Омакаева, Борлыкова 2012 — Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 180–186.

Очерки истории Калмыцкой АССР 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

Монгол ут дууна ут 1984 — Монгол ут дууна ут. Вып. 2. Урумчи, 1984. С. 11.

Песни родной земли 1989 — Песни родной земли. Төрсн нэзрин дуд / Сост. Окна Б.; Ред. Буджала Е. Элиста, 1989. На калм. яз.

Тодаева 2001 — Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.

Хроленко 1981 — Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.

Сокращения

тиб. — тибетский язык

ойр. — ойратский язык

кит. — китайский язык

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борлыкова Б. Х. — старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН: Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8; тел.: +7 (905) 400-82-93; e-mail: borlboskha@mail.ru

Омакаева Э. У. — старший научный сотрудник научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова: Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11; тел.: +7 (905) 400-25-31; e-mail: elomakaeva@mail.ru

---

SONGS AND MUSICAL INSTRUMENTS OF THE OIRATS OF XINJIANG

BOSKHA BORLYKOVA

(Kalmyk Scientific Centre, Russian Academy of Sciences: 8, Ilishkina str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

ELLARA OMAKAEVA

(Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov: 11, Pushkina str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Summary. *In this paper the authors have described folk songs and musical instruments of the Oirats of Xinjiang, basing on own field materials. In 2012 during the international research expedition the authors have recorded long (plangent) songs, short humorous songs and dance tunes from the Oirats of Xinjiang. Themes of the recorded songs are various. Some describe the own beloved horse or a winner of traditional horse-racing. Hymns praise the native land. Philosophic and profound lyrical meditations were performed orally as well as humorous songs. Lyrical genre prevails among traditional folk songs of Xinjiang Oirats. Their main purpose is to reveal the inner state of a person by means of direct expression of his feelings, thoughts, impressions, moods. Historical songs also belong to the most common genres of the Xinjiang Oirats' authentic music. Many dramatic events in the history of the Oirats of Xinjiang, which are reflected in historical songs, have been related with their departure from Russia to China in 1771.*

Instrumental music of Xinjiang Oirats is multifaceted and complex. The performers did not only accompany singing of Magtaal hymns of the heroic epics of Dzhanghar, but also performed independent instrumental repertoire.

Further publication of transcriptions and musical notations of field recordings of performance of song texts, recorded by contemporary electronic media, provide evidence of preservation in time of the oral poetic and musical traditions. It will help to fill many gaps in the studies of folklore and in particular of the understudied phenomenon of music performance among the peoples of Central Asia.

Key words: *Oirats, Xinjiang, folk songs, long songs, short humorous songs, dance tunes, musical instruments.*

Acknowledgements. *This paper is financially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-24-03005 "Authentic art of the Mongolian nomads (the long song, folk dance, musical instruments): the Kalmyks of Russia and the Oirats of Mongolia".*

References

Borlykova B. Kh. (2012) O muzykal'nykh instrumentakh oyratov Zapadnoy Mongolii i Sin'tsyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona Kitaya [About musical instruments of the Oirats of the Western Mongolia and Xinjiang Uighur Autonomous Region of China]. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences]. 2012. No. 4. Pp. 187–192. In Russian.

Borlykova B. Kh. (preface, comp., text prep., transl. from old to modern language and appendices), **Menyaev B. V.** (transliteration, transl. from old to modern language) (2015) *Kalmytskie narodnye pesni i melodii XIX v. Zapisi XIX veka* [Kalmyk

folk songs and melodies of the 19th century. Recordings from the 19th century]. Elista. In Kalmyk.

Dordzhieva E. V. (1999) *Otkochevka bol'shey chasti kalmykov iz Rossii v Dzhungariyu v 1771 godu* [Decampment of the major part of the Kalmyk people from Russia to Dzungaria in 1771]. PhD thesis. Volgograd. In Russian.

Dyakieva B. B., Omakaeva E. U. (2012) *Obraz materi v kalmytskom fol'klоре: k probleme universal'nogo (na materiale fol'klornykh tekstov)* [Mother's image in Kalmyk folklore: to the problem of universality]. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences]. 2012. No. 2. Pp. 183–187. In Russian.

Khrolenko A. T. (1981) Poeticheskaya frazeologiya russkoy narodnoy liricheskoy pesni [Poetic phraseology of the Russian folk lyrical song]. Voronezh. In Russian.

Mongol ut duuna [Mongolian smoke songs] (1984). In 2 issues. Urumqi. In Mongolian.

Okna B. (comp.), **Budzhala E.** (ed.) (1989) Toerski hazrin dud [Homeland songs]. Elista. In Kalmyk.

Omakaeva E. U., Borlykova B. Kh. (2012) Et-nolingvisticheskoe izuchenie pesennogo fol'klora oyratov Sin'tszyana: iz ekspeditsionnogo opyta [Ethno-linguistic studies of the song folklore of

the Oirats of Xinjiang: from field experience]. *Vestnik Kalmytского instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences]. 2012. No. 4. Pp. 180–186. In Russian.

Ocherki istorii Kalmytской ASSR. Dooktyabr'skiy period [Essays on the history of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic: Period before the October Revolution] (1967). Moscow. In Russian.

Todaeva B. Kh. (2001) Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana [Dictionary of the language of the Oirats of Xinjiang]. Elista. In Russian and in Oirat.

ABOUT THE AUTHORS

Borlykova B.: e-mail: borlboskha@mail.ru

Tel.: +7 (905) 400-82-93

8, Ilishkina str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Senior researcher, Mongolian Philology Department, Kalmyk Scientific Centre, Russian Academy of Sciences

Omakaeva E.: e-mail: elomakaeva@mail.ru

Tel.: +7 (905) 400-25-31

11, Pushkina str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Senior researcher, Scholar Department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

---